

Гарин–Михайловский Вариант

Зима подходила к концу. На одном из участков новостроящейся дороги шли деятельные приготовления к предстоящему весной открытию работ.

Начальник участка Кольцов, уже после окончательных изысканий, закончившихся предыдущим летом, затеял изменить направление линии. Это изменение обещало серьезные сбережения, и Кольцов с двумя молодыми инженерами, проработав даже зиму в поле, напрягал все усилия закончить работы к предстоящей через две недели сдаче подрядов.

Торопиться нужно было, чтобы успеть провести и утвердить вариант до торгов и этим впоследствии избавиться от претензий подрядчиков на тему, что их подвели, что они понесли убытки вследствие уменьшения работ, — результатом таких претензий была бы неизбежная приплата подрядчикам казной 20% сбереженной против подрядов суммы.

Дни в усиленной полевой работе, вечера за вычерчиванием планов и профилей, короткий отдых — в последнее время три–четыре часа в сутки — изнурили и утомили Кольцова и двух его товарищей. Особенно подался Стражинский. Он так похудел, что жена Кольцова говорила, что у Стражинского остались одни глаза. Стражинский за зиму нажил себе страшный ревматизм; в последнее время еще простудился, кашлял и производил крайне ненадежное впечатление. Несмотря на двадцать семь лет, волосы его заметно стали седеть. Изыщная, стройная фигура сгорбилась, красивое лицо осунулось, и только большие выразительные глаза выиграли, — они то зажигались лихорадочным, раздраженным огнем, то грустно–безнадежно смотрели на окружающих. Спокойный, воспитанный, он теперь едва сдерживал свое беспричинное раздражение.

— Вася, не мучь ты Стражинского, — говорила Кольцову в редкие минуты отдыха жена, — право, по временам плакать хочется, глядя на него.

— Ну, что же делать, — отвечал Кольцов. — Мне назначено девять человек, из них прислали только двух, а остальных оставили

пока при Управлении. Вот скоро кончим, тогда дам ему хоть на месяц отдых. Ведь я и Татищев так же работаем.

— Ты и Татищев здоровые, а он совсем не вашего поля ягода.

— Так я тут при чем? — возразил Кольцов. — Не вводить же казну в миллионные убытки оттого, что Стражинский не на своем месте. Вот скоро кончим, тогда...

И Кольцов опять убежал в контору. Там, в сырой, осенью только отделанной комнате, служившей прежде кладовой, занимались Стражинский, Татищев и Кольцов.

В сыром накуренном воздухе было угарно и тяжело. Стражинский работал молча, напряженно, не отрываясь. Только нервное подергиванье лица выдавало его раздражение.

Татищев работал свободно, без напряжения.

— Экое отвратительное помещение, — ворчал Татищев, водя рейсфедером по бумаге и беспрестанно отбрасывая шнурок пенсне.

— Да, гадость, — согласился Кольцов.

— Гораздо лучше было нанять дом Мурзина, — ворчал опять Татищев.

Немного погодя Татищев опять заговорил:

— Невозможный рейсфедер, линейки порядочной нет. Вот этим рейсфедером я уже второй миллион экономии дочерчиваю. Хоть бы рейсфедер новый.

— Невозможные инструменты! — вставил Стражинский.

— Хоть бы в пикет сыграть, — продолжал Татищев, помолчав.

— Некогда, некогда, — отвечал Кольцов. — Кончим вариант, тогда и будем играть сколько хотите.

— Никогда мы его не кончим, — ответил Татищев и вдруг весело, по-детски расхохотался.

— Вы чего? — поднял голову Кольцов.

Татищев продолжал хохотать.

— Мне смешно...

И Татищев опять залился веселым, добродушным смехом.

Кольцов, привыкший к его беспричинному смеху, только рукой махнул, проговорив:

— Ну, завел!

— ...Что мы никогда не кончим, — dokonчил Татищев свою фразу и залился новым припадком смеха.

Кольцов и Стражинский не выдержали и тоже рассмеялись.

Татищев кончил наконец смеяться и снова принялся за рейсфедер.

Наступило молчание. Все погрузились в работу.

— А вы помните, Василий Яковлевич, ваше обещание? — начал опять Татищев.

— Какое? — спросил, не отрываясь, Кольцов.

— В отпуск меня пустить.

— Да пущу, — отвечал Кольцов.

— Как в прошлом году?

— Ведь вы же знаете, что в прошлом году помешал вариант.

— То-то, помешал, — самодовольно ответил Татищев. — А как вы еще какой-нибудь вариант выдумаете?

— Нет уж, это последний.

Татищев лукаво посмотрел на Стражинского.

— А больше времени нет, да и работы скоро начнутся.

Татищев недоверчиво молчал. Стражинский опустил голову на руку и бесцельно уставился в стенку. Изможденное лицо его выражало страдание.

— Что, голова болит? — спросил Кольцов.

— Немножко, — ответил нехотя Стражинский.

— Вам, Станислав Антонович, необходим отпуск, — проговорил Кольцов.

— Ну уж извините, — загорячился Татищев. — Я больше Станислава Антоновича просидел в этой трущобе.

— Да вы посмотрите на себя и Станислава Антоновича, — отвечал Кольцов. — Вы кровь с молоком, а он совсем высох.

— Я тоже болен, — отвечал Татищев, — у меня горловая чахотка начинается.

Кольцов и Стражинский улыбнулись.

— Смейтесь, — обидчиво отвечал Татищев. — Вы слышите, как я охрип?

— Ну, полно, Павел Михайлович, — махнул рукой Кольцов.

— Вот и полно!

— Я не поеду в отпуск, — сказал Стражинский. — Мои финансы в таком беспорядке, что мне и думать нечего.

Стражинский жил на жалованье 125 рублей в месяц и своих средств не имел. При безалаберной кочевой жизни, при неуменье обращаться с деньгами, их ему не хватало, и он был весь в долгу. Окончательно его запугал Татищев: богатый человек, любивший

хорошо поест, он умудрялся тратить на кухню до двухсот рублей в месяц.

— Я решил, знаете, Павел Михайлович, — продолжал Стражинский, — уехать от вас, а то с вами кончу тем, что все у меня продадут за долги.

— Я вовсе не много трачу, — обиделся Татищев, — вот поживите сами и узнаете.

— Ну, господа, пойдем спать, — сказал Кольцов, вставая. — Два часа.

Кольцов ушел наверх. Татищев скоро собрал инструменты и торопил Стражинского.

Стражинский медленно отрывался от работы.

— Скорее, — торопил Татищев. — Оставьте так — кто тут возьмет? Есть хочется, спать хочется. Ну и жизнь!

Стражинский раздраженно молчал, продолжая собирать вещи.

Татищев, одетый в шубу, уселся на табуретку и следил глазами за Стражинским.

— Измучит нас Кольцов, — начал он, помолчав. — Я понимаю, поработать и отдохнуть, но этакая каторга изо дня в день — и из-за чего, спрашивается? Я второй год с ним. На двух линиях наделал вариантов, измучил себя, других, натратил своих уйму денег и в конце концов, кроме неприятностей, до сих пор ничего не получил. Обещал выхлопотать награды.

— Э, — досадливо проговорил Стражинский. — Какая тут награда! Кто ему ее разрешит? Экономия! Кому нужна эта экономия? Для казны экономия, *c'est bien original*.¹

Стражинский воспитывался за границей и любил французский язык.

— Ну, положим, это наша обязанность, — отвечал Татищев. — Но ведь всему должна быть мера, а ведь мы живем так, как будто через год нам ничего не надо будет. Истратить все силы в два-три года, а там что ж? Истаскаешься, куда ты тогда денешься?

— И все это за такое жалованье, на которое прожить нельзя, — ответил Стражинский, укладывая последний циркуль.

Он запер коробку, положил ее в стол, постоял несколько секунд, туло глядя перед собой, потом досадливо махнул рукой и начал одеваться.

1. Это весьма оригинально (*франц.*).

— Это жизнь! — продолжал он себе под нос. — Мечтает о премиях, себя и других морочит. Э, все равно! Идем.

— Вот он говорит, на концессионных постройках премии давали. Ну, там и можно было работать, — продолжал Татищев, идя со Стражинским по сонным улицам завода, где они жили. — Но из-за чего здесь надрываться? Я не понимаю.

Стражинский молчал.

— Васька, скорей ужинать! — вскричал Татищев, входя в квартиру.

Сонный Васька побежал на кухню, принес на блюде аппетитный кусок жареной телятины.

— Опять подливки мало, — заметил Татищев, подходя к опрятно накрытому столу. — А закуски почему не поставил? Тебе сколько раз я говорил, чтобы ставил по два стакана к прибору. И белого вина нет. Перчатки не надел. Я тебе сколько раз говорил, что я терпеть не могу, чтобы ты голыми руками подавал. Трогаешь ими бог знает какую гадость, а потом хлеб ими же подаешь.

Когда все было приведено в порядок, Татищев удовлетворенно сел за стол, аккуратно завязал себя салфеткой, снял пенсне и обратился к Стражинскому:

— Станислав Антонович, пожалуйста.

Сонный Васька стоял поодаль с вытянутыми руками в нитяных белых перчатках.

— Платок носовой, — приказал Татищев.

Васька бросился в другую комнату.

— Да что ты кидаешься, как сумасшедший, — остановил его Павел Михайлович. — Потихе не умеешь? Разве ты не понимаешь, что это неприлично.

Через минуту Васька беззвучно подал Татищеву несколько платков.

Татищев взял платок, посмотрел его номер (все его платки были занумерованы), посмотрел номер следующего платка, оставил себе первый по порядку, остальные отдал Ваське, сказав:

— Положи аккуратно на место.

Татищев уже совсем было приготовился к еде, но, взглянув на руки, проговорил: «Нет, не могу» и потребовал умываться. Стражинский, раздраженно наблюдавший Татищеву, потеряв терпение, сказал:

— O mon Dieu,² — лег на кровать и закрыл глаза.

С четверть часа фыркал Татищев в соседней комнате. Слышались его возгласы:

— Лей сюда, ниже, ниже... Экий ты, Васька, бестолковый!

Наконец, умывшись, с расчесанной бородой, в чистой ночной рубаше и туфлях, Татищев окончательно уселся за стол. Он опять завязал салфетку, опять пригласил Стражинского и приступил к нарезыванию телятины. Это было целое священнодействие. Телятина тонкими ломтиками, пластинка за пластинкой, ложилась одна на другую. Широкая белая рука Павла Михайловича красиво водила большой нож, другая держала громадную вилку, воткнутую в телятину. Вся его сосредоточенная фигура говорила:

«Да, вот подите—ка, нарежьте так аккуратно. Это вовсе не так просто, как кажется. Тут все нужно рассчитать, чтобы вышла этакая ровная пластинка. И нож надо именно вот так держать, и вилку на известном расстоянии. Вот теперь надо вынуть ее — поставить дальше.»

И Татищев, вынув вилку, воткнул ее в другом месте.

И опять все его лицо говорило: «Именно вот в этом месте. Теперь опять пойдут правильные ломтики.»

И ломтики действительно пошли один правильнее другого.

— Ну, довольно, — досадливо проговорил Стражинский, раздраженно наблюдая Татищева.

— Теперь, пожалуй, и довольно, — согласился Татищев, когда половина блюда покрылась изрезанными ломтиками.

— Кто это съест? — заметил Стражинский.

— Не беспокойтесь, съем, — обидчиво заметил Павел Михайлович.

Ужин начался. Стражинский ел без всякого аппетита. Съев ломтик телятины, он потребовал себе стакан молока.

Павел Михайлович только головой соболезнующе покачал, аппетитно уплетая кусок за куском.

— Извините, — проговорил Стражинский, кончив свой стакан молока, — я встану, я так устал.

— А чайку? — встрепенулся Павел Михайлович. — Неужели не выпьете стаканчика горячего в кровати? Покамест вы будете раздеваться, чай будет готов. Васька, живо чаю!

2. О боже (*франц.*).

Добродушное настроение Татищева подействовало наконец и на Стражинского. Он с наслаждением вытягивался в кровати, говоря:

— Ох, как я устал! Мне каждый раз кажется, как я ложусь, что я уж не в силах буду никогда встать.

— Да, это безобразие, — согласился Павел Михайлович, оканчивая свой ужин и запивая стаканом вина.

Окончив ужин, он быстро разделся и бросился в кровать. Через пять минут легкий посвист известил Стражинского, что Татищев благополучно отбыл в царство Морфея.

Стражинский долго еще ворочался на постели. Он с завистью и раздражением прислушивался к свисту Татищева. Несколько раз то тушил, то зажигал свечку, отыскивая кусавших его клопов. Его ноги ныли от ревматизма, он то вытягивал их, то подбирал под себя, напрасно отыскивая положение, при котором боль не была бы так чувствительна. Тяжелые мысли бродили в голове. Полученное письмо из дому вызвало целый ряд неприятных воспоминаний. Дела по имению у матери, некогда очень богатой, были в страшном расстройстве; второй брат, гимназист шестого класса, заболел скоротечной чахоткой, младший, двенадцатилетний мальчик, и в этом году не попал в гимназию. «Ты одна моя радость и надежда», — заканчивала мать свое письмо. Стражинский горько усмехнулся при мысли, если бы увидела она, что осталось от этой «радости».

Наконец и над ним сжалился сон, хотя не крепкий, тревожный, заставлявший его постоянно вздрагивать и просыпаться.

На другой день, около восьми часов, когда уже порядочно рассвело, Кольцов с Татищевым и Стражинским взбирались по крутому откосу реки в том месте, где накануне остановилась их работа. Кольцов первый взошел наверх и, в ожидании товарищей, осматривал местность. В этом месте река делала такой острый заворот, что приходилось пересекать ее на протяжении 50 сажен два раза, вследствие чего получалось два громадных моста.

Вдруг у Кольцова мелькнула мысль, от которой ему сделалось сразу холодно и жарко: «Что, если обойтись без мостов и речку отвести туннелью под этой горой?»

Мурашки пробежали у него по спине: «Что это, не схожу ли я с ума? Здравая или сумасшедшая это мысль? — Кольцов снял шапку и провел рукой по горячему лбу. — Надо спокойно обдумать», — решил он и стал шагами мерять длину горы.

Длина туннеля получалась около тридцати сажен, считая по две тысячи погонных саженей, выходило всего шестьдесят тысяч, тогда как десять саженей высоты моста стоили до 250 тысяч рублей.

Кольцов радостно обернулся к товарищам.

— Господа! — крикнул он им возбужденным голосом.

— Новый вариант! — с отчаянием проговорил Стражинский Татищеву. Оба уже давно подозрительно наблюдали взволнованные движения Кольцова.

— Знаете, — кричал им навстречу Кольцов, — мы без мостов здесь пройдем.

— *P finira par devenir foli*,³ — сказал себе под нос Стражинский.

Сообщение Кольцова было выслушано недоверчиво, но, когда он подтвердил его, Стражинский и Татищев не нашли возражений.

— Только когда же мы все это сделаем? — спросил Татищев.

— Я сам это сделаю. Вы пробивайте намеченную по плану линию, а я сейчас назначу магистраль и разобью профиля. Булавин, — обратился он к десятнику, — ты будешь их ватерпасить, и если завтра к вечеру кончишь, десять рублей награды.

— Будет готово, — отвечал весело Булавин.

Работа была тяжелая. В глубоком снегу вязли ноги.

К обеду Кольцов кончил свою работу и нагнал товарищей.

— Не пора ли закусить? — спросил он Татищева.

— Давно пора, — ответил Павел Михайлович.

Под деревом был разведен костер, для которого рабочие натаскали сухого хвороста; установили два камня — род очага, поставили на них чайник и стали разворачивать провизию. Хлеб замерз, говядина и пирожки тоже, пришлось все, кроме водки, отогреть. Всем этим заведовал аккуратно и не спеша Татищев.

Зная, что нарушение установленной дисциплины испортит расположение духа Татищева, Кольцов и Стражинский терпеливо ждали конца. Когда наконец все было установлено на чистой скатерти, Татищев любезно пригласил Кольцова и Стражинского завтракать.

— К вечеру кончите обход Герасимова утеса? — спросил Кольцов.

— Я думаю, — отвечал Стражинский. — Только выемка немножко будет больше, чем получилась по горизонталям. Шельма Лука наврал, верно, в профилях.

3. Он кончит тем, что сойдет с ума (франц.).

— Какая досада, что нельзя завернуться радиусом в сто пятьдесят сажен вместо двухсот; вся бы почти выемка исчезла, — заметил Кольцов.

— Да, тогда почти вся исчезла бы, — согласился Стражинский.

— Ведь это 12 тысяч кубов скалы по 11 рублей. Получается — 132 тысячи рублей. Какая же рутинка — радиус! При соответственном уклоне ведь не прибавляется сопротивления от более крутого радиуса.

— За границей на главных путях давно введен радиус даже в сто сажен, только там вагоны на тележках, — вставил Стражинский.

— А что мешает у нас их устраивать? — ответил Кольцов. — Ведь вы понимаете, какую экономию дал бы такой радиус в нашей горной местности?

— Громадную.

— На всю линию несколько миллионов, — уточнил Кольцов.

Наступило молчание.

— Черт возьми, — заговорил Кольцов, — давайте, знаете, сделаем обход Герасимова на радиус двести и сто пятьдесят, — чем черт не шутит, может быть, и разрешат? А?

Татищев и Стражинский успели уже переглянуться, и последний тихо пробурчал:

— Поехал!

— Никогда не кончим, — проговорил Татищев, заливаясь смехом и опрокидываясь на снег.

Кольцов сконфузился и покраснел.

— Станный вы человек, Павел Михайлович, ведь интересно же сделать так дело, чтобы не стыдно было на него посмотреть. Ведь обидно же даром бросать сотни тысяч. Вы представьте себе, куда мы с вами денемся, когда дорога будет выстроена, и кому-нибудь из комиссии придет мысль в голову о радиусе сто пятьдесят. Ведь тогда это будет как на ладони.

— Да я ничего не возражаю против, — отвечал Павел Михайлович, — я вполне всему сочувствую. Но где же время, ведь вы хотите поспеть к торгам?

— И поспею, — ответил Кольцов. — Тут ведь на день всего работы.

— Здесь на день, там на день, где ж этих дней набрать? — раздраженно ответил Татищев.

— Ну, я сам это сделаю, — огорченно сказал Кольцов.

— Да я не к тому, — начал было Татищев, но Стражинский перебил его:

— Положим, мы как-нибудь успеем, но только, по правде сказать, мало веры, чтобы из всего этого вышел толк. Ведь это значит переменить технические условия, когда они утверждены начальником работ Временного управления, министром. Пропасть работы вышла бы, начиная от нас.

— Но ведь это все пустяки, тут о сотнях тысяч идет речь.

— Ну да, но когда их никто признавать не хочет...

— Но они существуют. Что нам за дело до других, лишь бы мы исполняли то, что должны.

— Ну да, конечно, — согласился Стражинский. — Я только хочу сказать, что можно какое хотите пари держать, что радиус сто пятьдесят не пройдет.

— Надежд, конечно, мало, — согласился Кольцов.

— Вот если б это было возле станции, где поневоле скорость должна быть меньшая.

— А ведь это идея! Почему бы нам не расположить станцию вообще в этой луке?

Кольцов схватил профиль и стал внимательно ее рассматривать.

— Станция поместится, — проговорил он. — Поздравляю вас, мсье, ваша идея блестяща.

Стражинский покраснел от удовольствия.

— Но ведь тогда расстояние между станциями не выйдет, близко слишком будет.

— А мы одну уничтожим — еще экономия, — быстро ответил Кольцов. — Нет, положительно, сегодня, господа, у вас гениальные мысли.

У Татищева остановилось в горле замечание, что это опять новая работа.

— А обратили вы внимание, Василий Яковлевич, — заговорил Стражинский, — что при радиусе сто пятьдесят линия залезет в реку, — что скажет на это завод?

— Какое мне дело до завода?

— Как какое дело? Они по этой реке спускают баржи, они говорят уже теперь о том, что камни, которые будут падать в воду из выемок, должны быть вынуты, а если вся линия пойдет по реке, я не знаю, что они скажут.

— Ничего они не посмеют сказать, — больше в утешение себе сказал Кольцов. И задумался.

— Ох, уж этот мне завод, наделает он нам беды. Все, кроме воздуха, им принадлежит. Несчастный человек будет подрядчик!

— Они его разорят, — сказал Стражинский.

— А знаете, что мне пришло в голову? — сказал Татищев. — Что, если их самих затянуть в подряд? — И Татищев лукаво-добродушно подмигнул.

Кольцов широко раскрыл глаза.

— Павел Михайлович, голубчик, да вы гениальный человек! — закричал он. — Ведь эта идея такая же блестящая, как и со станцией!

Татищев добродушно-весело смеялся.

— Ах, черт побери, — заволновался Кольцов. — В воскресенье же иду к управляющему уговаривать.

— Не согласится, — сказал Стражинский.

— Отчего ж не согласится? — сказал Татищев.

Кольцов, по свойству своей натуры, весь отдался новой идее затянуть завод в подряд. Вопрос действительно был серьезный: на десятки и сотни верст во все стороны от линии тянулась земля крупного заводчика. Земля, вода, лес, камень, песок — все было монополией владельца. Уже при постройке временной больницы Кольцов видел, как разыгрывается аппетит завода. За лес была назначена цена дороже городской. Только случаем Кольцову удалось дешево отделаться: он купил готовый дом, а для пристроек запасся за дешевую цену несколькими срубами у местных крестьян. Заводское управление на такой прием Кольцова ответило приказом к местному населению, по которому жителям строго-настроено воспрещалось продавать лес агентам железной дороги, под страхом навсегда лишиться права приобретать его по уменьшенным ценам из заводских дач.

Предстоящие работы и в других отношениях ставили строителей в зависимость от заводов.

С утверждением нового варианта Кольцова, когда приходилось бы работать в воде, завод, по желанию, мог бы нанести неисчислимые убытки одним тем, что не вовремя стал бы выпускать излишнюю воду из своих прудов. Претензии на захват реки тоже могли легко повлечь неутверждение нового варианта. Казна ничего так не боится, как возможности дать повод вчинять иски, зная по горькому опыту, чем они кончаются. Наконец еще одно обстоятельство побуждало Кольцова горячо желать участия заводов в подряде. Администрация заводов состояла преимущественно из горных инженеров.

К тому же, в большинстве они были поляки по происхождению, но, если можно так выразиться, — примиренные; не чуждались общения с русскими, отличались гостеприимством и радушием, имели склонность заниматься чужими делами.

Кольцова осаждали вопросами о направлении линии: почему там, почему не здесь, почему такая цена, а не такая. Как это всегда бывает, они не так искали положительной стороны дела, как отрицательной. Объяснения Кольцова их мало удовлетворяли, они смотрели на него как на человека, заинтересованного умышленно утаивать истину, и старались сами найти ответ на неясные для них вопросы. Почва, таким образом, оказалась из таких, на которых легче всего вырастают всякие нелепые и несправедливые слухи.

Кольцов чувствовал, что, перервись он пополам, ему не поверят и все объяснят по-своему. Единственная возможность заставить их правильно смотреть на дело была — их самих втянуть в это дело, поставить в такое положение, чтобы у них волей-неволей раскрылись глаза на истину.

«Ах, если бы мне удалось этих вольных критиков запрячь, заставить их на своей спине убедиться в том, что все гадости, в которых они считали нас, инженеров повинными, сидят только в их воображении», — думал Кольцов, вылезая из саней перед домом главного управляющего заводами (сам владелец в заводе не жил и никогда в жизни в нем не был), горного инженера Пшемислава Фаддеевича Бжезовского.

Бжезовский пользовался большим уважением в горном мире, — он организовал рельсовое производство, прекрасно его поставил, пользовался репутацией даровитого и способного инженера, слыл за прекрасного человека, его дом отличался гостеприимством и радушием. Громадный двухэтажный дом, занимаемый Бжезовским, был настоящий дворец. Прекрасная мебель, масса картин, электрическое освещение, громадные комнаты напоминали собою давно-давно забытую роскошь времен крепостничества.

Несколько прекрасных охотничьих собак приветствовали громким лаем появление Кольцова в обширной передней. Несмотря на несошедший еще снег и холод, отовсюду неся нежный запах свежих цветов. Точно какой-то волшебной силой из царства тьмы и уютной зимы Кольцов был вдруг перенесен в волшебное царство весны. На него, жителя юга, пахнуло чем-то далеким и милым. Он с наслаждением вдыхал в себя этот аромат весны, пока лакей снимал с

него валенки, доху и сибирскую, с ушами, шапку. Не успел он оправиться, как в дверях показались Бжезовский и его жена.

Бжезовский, высокий, пожилой господин с окладистой бородой, худощавый, с безукоризненными манерами, приветливо, но с чувством собственного достоинства поздоровался с Кольцовым, проговорил радушно:

— Добро пожаловать.

Жена Бжезовского, маленькая, полная женщина лет сорока, с добрыми чистыми глазами, как у ребенка, ласково поздоровалась с Кольцовым и сейчас же засыпала его вопросами, не озяб ли он, не устал ли, не желает ли умыться, не хочет ли чаю; и когда Кольцов сказал, что чаю хочет, она весело ударила в ладоши и сказала, что они как раз пьют чай.

В большой столовой, за чайным столом, Ольга Андреевна (она была урожденная русская), пока настаивался чай, несколько раз еще переспросила, не хочет ли Кольцов есть. Кольцов уверил наконец ее, что сыт. Тогда она перешла к подробным расспросам о жене и детях Кольцова.

— Какой вы недобрый, зачем же Анну Валериевну с собой не привезли?

Кольцов извинился, сказав, что приехал по делу.

— Ого, по делу! — рассмеялся Бжезовский.

В это время вошел плотный высокий господин, помощник Бжезовского, горный инженер Малинский.

— Василий Яковлевич к нам по делу, — обратился к нему Бжезовский.

— О! — произнес Малинский и сел возле налитого для него стакана.

Кольцов начал издалека. Он изложил в коротких словах предстоящую картину постройки, наплыв рабочих, возвышение цен на рабочие руки, на перевозочные средства, указал на затруднения, какие испытает завод от этого, коснулся неизбежных столкновений с подрядчиками и рядчиками.

— Ну, с этими-то господами нам нетрудно будет справиться, — уверенно перебил его Малинский. — Один хороший паводок сразу приведет их в христианскую веру.

— Вещь обуюдоострая, — ответил сдержанно Кольцов. — Людей, имеющих в своем распоряжении несколько тысяч человек, не так легко запугать. Один неосторожно разведенный костер в ваших сосновых лесах наделает всем больше убытков, чем все ваши паводки.

Этого, конечно, не будет, как и с вашей стороны не будет умышленного нарушения интересов подрядчиков.

— Конечно, — поспешил согласиться Бжезовский, недовольный, что его пылкий помощник выболтал, видимо, обсуждавшиеся уже между ними соображения будущих отношений.

— Опасная сторона дела та, что подрядчики станут пользоваться вашим населением для своих работ.

— Пусть пользуются, — ответил Малинский, — а мы им откажем в земле, лесе, дровах; у них ничего ведь нет, они все получают от нас при условии работать в заводе, а не хотят — мы им ничего не дадим.

— По-моему, этим вы их не испугаете, — ответил Кольцов. — Они отлично знают, что ваши заводы без них ничего не стоят и что вам ничего не останется делать, как вновь их принять, когда они явятся к вам.

Бжезовский все время молча слушал Кольцова. Малинский открыл было рот, но Кольцов перебил его:

— При таких условиях единственная возможность не отрывать местное население от заводских работ заключается в том, чтобы сам завод взял на себя подряд! Тогда заводу стоит только не принимать местный элемент на железнодорожную работу, и дело в шляпе.

Глаза Бжезовского сверкнули, но опять приняли спокойное, бесстрастное выражение. Он продолжал молчать, как бы приглашая Кольцова говорить дальше.

— В денежном отношении, — продолжал, помолчав, Кольцов, — дело это тоже представляется крайне выгодным. Если подрядчик пришлый зарабатывает на таком деле барыши, то местный контрагент, имеющий весь даровой материал, заработает, конечно, несравненно больше.

— Положим, этот материал мы можем выгодно продать пришлому контрагенту, — первый раз возразил Бжезовский.

— Не всегда, — ответил Кольцов. — В случае слишком дорогих цен дорога ограничится крайне необходимым, а остальное привезет по временному пути из мест более дешевых.

Бжезовского неприятно передернуло, но это было очень быстрое движение, и он молча поспешил кивнуть головой в знак согласия.

— Размеры подряда, — продолжал Кольцов, — настолько велики, что они стоят того, чтобы таким делом заняться. Ваш годовой оборот, если не ошибаюсь, достигает миллиона, двухлетний подряд даст оборот до двух с половиной миллионов. Барыш от него будет крупным подспорьем для завода, дав ему возможность не только легко

перенести кризис, но и заработать на нем. Ввиду того, что дорога только раз строится, казалось бы, не следовало упускать такого удобного случая, — закончил Кольцов свою речь.

Наступило молчание.

Ольга Андреевна, Малинский и Кольцов смотрели на Бжезовского. Последний не торопился с ответом.

После долгой паузы он наконец спросил:

— А как велик может быть барыш?

— Как повести дело. Принимая во внимание ваши условия, я думаю — не менее двадцати пяти процентов со всей суммы.

— Какой оборотный капитал для этого нужен?

— Десять процентов от всего, то есть двести пятьдесят тысяч рублей, — отвечал Кольцов.

— Беда в том, что с этим делом мы мало знакомы, — заметил Бжезовский.

— Это я учёл. Вам необходимо пригласить в руководители опытное в этом деле лицо. Могу указать вам такого. Это Яков Петрович Нельтон. Он тоже собирается принять участие в подрядах, но сам имеет слишком мало денег и ищет компаньонов. Он, между прочим, был представителем компании строителей на пятом участке смежной с вами дороги, которая только что закончилась, и дал своим компаньонам до семидесяти процентов на затраченный капитал. Точные сведения вы получите как от его компаньонов, так и от начальника работ.

— Надо подумать, — задумчиво проговорил Бжезовский.

Разговор перешел на текущую жизнь. Кольцов рассказал о новых своих вариантах, о радиусе 150, о замене мостов туннелем. Малинский пришел в ужас, что цена погонной сажени туннеля обойдется две тысячи рублей.

— Помилуйте, вся цена такой туннели — шестьсот рублей погонная сажень.

— А вот берите подряд, — улыбнулся Кольцов, — и гребите деньги.

— Но что же вы так дорого цените туннели?

— Я вам укажу только на тот факт, что дешевле двух тысяч рублей ни одна туннель в мире не выстроена, — ответил Кольцов.

— Значит, дело неправильно поставлено, — ответил Малинский.

— Ну вот вам и случай поставить его правильно.

— Как вы работаете туннель?

— Есть несколько способов, но все они сводятся к тому, что пробивается сперва небольшое отверстие, которое называется направляющей штольной, а затем разрабатывается.

— А почему сразу не разрабатывается отверстие целиком?

— Невыгодно как работа цельной среды. Чем меньше направляющая штольня, тем выгоднее.

— Конечно, мне трудно возражать, но я познакомлюсь с вопросом и через месяц буду с вами спорить. Какое лучшее сочинение по туннелям?

Кольцов не мог ответить.

— По-русски почти ничего нет, а за границей, наверно, есть.

— Я знаю сочинение Ржиха. Но недавно вышло, кажется в Англии, новое сочинение.

— Вы видели Ржиха? — спросил Малинский.

— Не видал, — ответил Кольцов.

— Если хотите, я вам покажу.

И Малинский повел Кольцова в свою комнату. Он был очень начитанный человек и обладал способностью применять начитанное к делу. В требнике завода и постановке рельсового дела он ввел массу нововведений, — между прочим, бессемеровский способ литья стали прямо из чугуна. Но было и несколько промахов, неизбежных в каждом деле.

Масса книг и журналов лежала на нескольких столах в комнате Малинского. Были тут и немецкие, и французские, и английские, и американские; меньше всех было русских.

Он снял с этажерки две громадных книги и тяжело бросил их на стол.

— Неужели это все об одних туннелях? — спросил Кольцов. — У нас в институте о туннелях читалось ровно две страницы. Только немец может столько написать, — говорил Кольцов, перелистывая книгу.

Малинского неприятно покоробили слова Кольцова.

— Обстоятельно, — нехотя ответил он.

— К сожалению, я не понимаю по-немецки, — сказал Кольцов, закрывая книгу, — а то бы попросил у вас почитать.

— Вы какие журналы выписываете по вашей специальности?

Кольцов покраснел.

— Кроме журнала нашего министерства, — никаких.

Наступило неловкое молчание.

— Наше дело так налажено, — заметил Кольцов, — что вряд ли что-нибудь новое узнаешь, да притом я только французским с грехом пополам владею.

— Может быть, пойдем в столовую? — спросил Малинский.

— Знаете, что мне улыбается в вашем подряде, Василий Яковлевич? — встретила Кольцова Ольга Андреевна. — Я давно на лето мечтаю выстроить себе маленький домик, в котором я могла бы чувствовать, что и я существую, а то в этих громадных комнатах ощущаешь себя такой маленькой. Если бы муж взял подряд, ему пришлось бы выстроить себе какое-нибудь пристанище, вот и я бы к нему пристала.

И она, склонив голову на плечо, своими детскими ласковыми глазами посматривала на мужа.

Бжезовский ласково рассмеялся.

— Ну, уж если она охотится, то вы можете считать, что половину дела сделали, — обратился он к Кольцову.

— Эта сторона меня страшно радует, — и все лицо Бжезовской показывало искреннюю радость. — Если бы вы знали, как я хочу этой тихой простой жизни в маленьких уютных комнатках!

И опять ее чистые глаза заискрились весельем ребенка, которое невольно заставляло всех веселее смотреть на свет божий.

Несмотря на возможный успех, расположение духа Кольцова было испорчено. Разговор с Малинским, необходимость, вынудившая его признаться в незнакомстве с теоретической стороной своего дела, неприятно мучили его. Он поспешил попрощаться с Бжезовским и, условившись свидеться с ним на днях у себя, уехал домой.

Всю дорогу он не мог отделаться от тяжелого чувства. Он не мог не признать, что Малинский ловко попал в его слабое место. Кольцов никогда не любил теории и, будучи еще студентом, принадлежал к партии так называемых «облыжных студентов», то есть таких, для которых вся наука сводилась к экзаменам. Выдержал экзамен — и долой весь лишний хлам из головы.

В первые годы практической деятельности отсутствие правильной теоретической подготовки мало чувствовалось: во-первых, изучение практической стороны дела требовало много времени; во-вторых, и роль была все больше исполнительная. Теперь, через двенадцать лет, Кольцову приходилось выступать уже в новой роли, где требовалось много инициативы, путь открывался для широкого творчества, и на каждом шагу он чувствовал все больше и больше свое слабое место — недостаточную теоретическую подготовку. Та

масса новых оригинальных идей, которые сидели в его голове и которые он стремился провести в жизнь, требовала для надлежащей авторитетности научной формы. Кольцов чувствовал, что без этого он никого не убедит, что все отнесутся к его идеям с обидным недоверием.

Он считал, что сегодняшний его разговор с Малинским подрывает его авторитет как человека науки не только в глазах самого Малинского, но и всего кружка горных инженеров, между которыми Малинский признавался авторитетом.

Унылым и подавленным приехал он домой.

— Неудача? — встревоженно встретила его жена.

— Нет, кажется, полная удача, — ответил Кольцов, входя в свой скромный кабинет и опускаясь в кресло.

Жена села возле него и пытливо заглядывала ему в глаза. Кольцов старался избежать встречи с ее глазами.

— Воздух спертый, — проговорил Кольцов.

— Квартира сырая, комнаты маленькие. Сегодня у Коки за кроватью на стене я нашла гриб. Меня так беспокоит, как бы эта сырость не отразилась на здоровье детей. Они так побледнели за зиму.

— Надо почаще вентилировать, — заметил Кольцов.

— Каждый день вентилируем, — ответила жена. — Когда бы уж скорее весна началась, стану их по целым дням на воздухе держать.

Кольцов облокотился и задумался.

— Ты не в духе? — помолчав, спросила его жена.

— Так, немножко неприятно, — нехотя ответил Кольцов, решив ничего не говорить жене.

Через полчаса, однако, он уже все ей рассказал.

— Что ж тут такого, что могло тебя так огорчить? — успокаивала его жена. — Во-первых, большая разница между им и тобой: он ведет оседлую жизнь, дела у него сравнительно с тобой почти нет, он, наконец, любит теорию, ты любишь практику. Профессор, может быть, из тебя не выйдет, но ведь ты и не желаешь им быть. Ваш же министр и вовсе не инженер, а все-таки министр.

— Ну, это, положим, не довод. Я не знаю, что нашего министра вывело в люди, но знаю, что, чем дальше, тем больше будут искать во мне причин, которые дали бы оружие моим противникам. Слабая теоретическая подготовка будет мне в жизни громадной помехой.

— Но, если и так, что тебе мешает пополнить пробел: тебе тридцать пять лет — твое время не ушло.

— Вот именно, я думал, что когда начнется постройка, время будет посвободнее, я повторю всю теорию и займусь литературой. Ведь не то, чтоб я всё забыл, а так, забросил. Пристань ко мне с ножом к горлу, я и теперь сумею рассчитать любой мост.

— Миленький мой, я ни капли в этом не сомневаюсь, — ответила жена, обнимая и целуя его.

Кольцов повеселел и начал рассказывать жене, как хорошо у Бжезовских. Как у них пахнет весной, как ему вспомнился юг. Анна Валериевна, сама южанка, понимала мужа, жалела, что не поехала с ним к Бжезовским.

— Ах, Вася, Вася, чего бы я ни дала, чтоб жить там, на юге, — страстно проговорила она. — Как бы расцвели там Дюся и Кока.

— Что делать! — вздохнул Кольцов. Он встал.

— Неужели заниматься? — спросила испуганно жена.

— Нужно бы, очень нужно, но устал и мысли в разброде. Пойду только отдам распоряжение на завтра. Не знаешь, Татищев и Стражинский...

— Целый день занимались, — перебила его жена, — и теперь, кажется, в конторе. Отпусти ты их или приходи с ними чай пить. Я буду вас ждать.

— Хорошо, — ответил Кольцов, уходя в контору.

Татищев и Стражинский приготовили Кольцову сюрприз. Он застал их усердно работавшими.

— Господа, вы меня стыдите, — проговорил Кольцов, весело с ними здороваясь. — Бросьте работу, ведь не каторжные же мы в самом деле.

— Скоро конец, — весело проговорил Татищев. — Ну вот, смотрите, кончили мы то место, где хотите туннель делать вместо мостов.

— Уж вычертили? — удивился и обрадовался Кольцов.

— Да, надо же когда-нибудь кончать, — рассмеялся Татищев.

Кольцов растрогался и горячо пожимал руки Татищева и Стражинского. Он не утерпел, чтоб не прикинуть, как ляжет туннель. Мало-помалу все трое так увлеклись, что и не заметили, как пробыло два часа.

Анна Валериевна напрасно несколько раз звала их пить чай. Горничная каждый раз приносила все тот же стереотипный ответ: «Сейчас». И Анна Валериевна снова посылала разогревать самовар, снова заваривала свежий чай. Горячие ватрушки давно уже остыли, поданный в пятый раз самовар опять стал совершенно холодным.

Анна Валериевна с книгой в руках так и заснула на диване в ожидании, когда наконец Кольцов вошел в столовую. Он тихо подошел к жене и поцеловал ее.

— Миленький мой, как ты опоздал, — сказала она, просыпаясь. — А где же Стражинский и Татищев?

— Спать пошли: два часа.

— Два часа? — переспросила Анна Валериевна и замолчала.

Ей стало досадно, что и этот вечер ушел от нее.

— Ты мне ни одного вечера не подарил с тех пор, как я здесь, — тихо проговорила она, и слезы обиды закапали из ее глаз.

Кольцов горячо обнял ее и начал утешать.

— Скоро, скоро уж конец. Тогда опять все вечера твои.

Он рассказал ей, какой сюрприз ему устроили его товарищи, как незаметно они увлеклись проектировкой и как опомнились, когда уже было два часа.

Бжезовский приехал к Кольцову в назначенное время и изъявил свое согласие на участие в подряде. Нужно было торопиться ехать на торги. Кольцов давал ему всякие инструкции.

— Главное, не набирайте большого штата. Если б даже мой вариант и не поспел к торгам, будет строиться все-таки он, а не прежний, поэтому не спешите набирать большую администрацию, так как теперешняя линия на сорок процентов дешевле прежней.

Бжезовский уехал. Окончил и Кольцов свои варианты.

— Что бы вы сказали, Павел Михайлович, если бы я вас командировал с проектами? — спросил он как-то у Татищева.

Татищев покраснел от удовольствия.

— Я с удовольствием, — ответил он.

— Стражинский наотрез отказался ехать в отпуск, а вы принимаете?

— Я с удовольствием, — повторил Татищев.

— А сумеете вы защищать нашу красавицу новую линию?

— Она не нуждается в защите, — с несвойственной ему горячностью и уверенностью ответил Татищев.

— Очень рад, — ответил Кольцов. — Ваш ответ показывает убежденность, а когда человек убежден, он все сделает.

Татищев приехал в город за два дня до торгов.

Первым делом он явился к начальнику работ. Его потребовали не в очередь.

В небольшом, скромно меблированном кабинете из угла в угол ходил главный инженер Елецкий — лет пятидесяти, среднего роста, хорошо сложенный, с сохранившимися красивыми чертами лица. Татищев вошел и поклонился.

— Здравствуйте, — медленно проговорил Елецкий, протягивая руку Татищеву. — Что скажете хорошенького?

— Вариант привез, — весело-почтительно ответил Татищев.

Легкая улыбка сбежала с лица Елецкого. На лбу появились складки, и он раздраженным голосом переспросил:

— Вариант? Опять вариант? Да так же нельзя, господа!

Татищев потупился и не нашелся ничего ответить.

Елецкий несколько секунд постоял, сердито махнул рукой и заходил по комнате. Несколько минут тянулось тяжелое для Татищева молчание. Елецкий забыл о Татищеве и весь погрузился в свои мысли. Татищев слегка кашлянул.

— Извините, пожалуйста, — спохватился Елецкий. — Присядьте.

И он опять зашагал по комнате.

— И все эти варианты — прекрасная вещь, но все в свое время, — заговорил Елецкий успокоенным голосом. — Вы, господа, совершенно забыли о постройке, а мы два года уже делаем изыскания. Мне проходу нет в Петербурге: когда я наконец начну постройку? А я в ответ то и дело вижу все новые и новые варианты. «Последний?» — спрашивают. «Последний». И через три месяца опять совершенно новая линия. Ведь наконец кончится тем, что нас всех прогонят, — остановился он перед Татищевым.

Татищев смущенно ерзал на стуле.

— Когда же конец будет? — наступал на него, между тем, Елецкий. — Через три месяца вы мне опять привезете новый вариант... Когда же мы строить будем, что же я скажу в Петербурге, когда только что приехал оттуда, дав чуть ли не честное слово, что изыскания окончены?..

Два года идут изыскания, а линии нет, — помолчав, продолжал Елецкий. — Варианты, варианты, без конца варианты.

— Живое дело, — робко заметил Татищев, — одно хорошо, другое лучше.

— Но ведь так же без конца может продолжаться, — вспыхнул Елецкий. — Где же конец? Наши изыскания сумасшедших денег стоят.

— Но каждый лишний рубль, истраченный на изыскания, дает тысячные сбережения в деле, — заметил Татищев.

— Так ведь это мы с вами знаем, а подите расскажите то в Петербурге — что вам ответят? Ответят, что дороже наших изысканий еще не было.

— Но экономия, — начал было Татищев.

— Да что вы все о своей экономии. Не говорите о вещах, о которых понятия не имеете. Я тридцать лет строю и знаю эту экономию на изысканиях. Дешево, хорошо, пока не начали строить, а чуть началось — и пошла потеха! Там неожиданно оказалась скала вместо глины, там плывун, там приходится вместо простого котлована кессон опускать, смотришь — вместо экономии перерасход. Знаю я эту экономию.

Елецкий зашагал опять по комнате.

— Теперь вы мне за два дня до торгов привозите новый вариант. Мы вот уже месяц сломя голову подготовляем данные, и что ж — теперь опять все сначала? Торги откладывать? Да попробуй я дать об этом телеграмму в Петербург, завтра же меня не будет и никого из вас.

Опять наступило молчание.

— Во всяком случае, и думать нечего рассматривать новый вариант до торгов, — заключил Елецкий, останавливаясь перед Татищевым. Последний поднялся и начал откланиваться.

— До свидания. После торгов я дам знать.

У Татищева вертелось в голове сказать Елецкому, с какой целью Кольцов торопился поспеть до торгов со своими вариантами, но он подумал, что это бесполезно и только вызовет новую бурю.

Татищев вышел в приемную с чувством школьника, хотя и получившего незаслуженную головомойку, но утешенного тем, что пострадал не за себя, а за Кольцова. Мысль, что на три дня он совершенно свободен, привела его в веселое настроение.

Через ряд комнат он направился в техническое отделение проведать товарищей. В чертежной он столкнулся с начальником технического отделения, пожилым уже инженером, Иваном Осиповичем Залеским. Залеский слыл за тонкого дипломата, но, в сущности, был добрый человек. Девиз его по службе был: «Моя хата с краю, ничего не знаю».

— Павел Михайлович, — радушно поздоровался Залеский с Татищевым. — Сколько лет, сколько зим... Что Кольцов?

— Ничего, вариант прислал, кланяется.

— Опять? — спросил Залеский и весело рассмеялся.

— Николай Павлович недоволен.

— А вы уж виделись с ним. Недоволен? — встревоженно спросил Залеский и, не дожидаясь, сказал: — Да, знаете, у него много неприятностей по поводу изысканий. Дорого стоят.

— Но что же делать? — на этот раз смело спросил Татищев. — Ведь это гроши по сравнению с той пользой, какую они приносят.

— Конечно, — согласился Залеский. — Ну, что, надолго к нам?

— В отпуск хочу.

— Может, жениться?

— Куда тут жениться, — махнул рукой Татищев и рассмеялся.

Залеский тоже рассмеялся и пошел в свой кабинет. А Татищев поворотил направо, прошел коридор и очутился в большой комнате.

Там сидело за отдельным столом три инженера.

— Павел Михайлович! — раздалось приветствия на разные голоса.

Татищев поспешно здоровался, его широкое лицо сияло добродушием и весельем. Окончив, он сел на табурет и, ни к кому особенно не обращаясь, начал:

— Ну, и вздули меня. «Опять варианты! — говорил он, представляя Елецкого — Вы что же, хотите, чтоб нас совсем вон прогнали?»

И Татищев покатился со смеху. Припадок смеха, по обыкновению, продолжался у Татищева довольно долго. Он умолкал, потом опять начинал.

Вельский, Дубровин и Денисов сначала с недоумением смотрели на него, но кончили тем, что и сами начали смеяться.

— Да будет! — остановился наконец Вельский. — Говорите толком, в чем дело.

— Да вариант привез, — едва мог проговорить Татищев и залился новым смехом.

На этот раз дружный хохот четырех здоровых молодых голосов слился чуть ли не в рев.

Татищев кое-как наконец рассказал про вариант и про прием Елецкого.

— Большой вариант? — спросил Вельский.

— Тысяч шестьсот сбережения.

Вельский только свистнул.

— Молодец Кольцов, — горячо сказал Дубровин.

— Молодчина! — подтвердил Денисов.

Вельский, нервный и раздражительный, занимавший должность старшего инженера в техническом отделении, разразился ругательствами:

— А, скоты! Вариант в шестьсот тысяч, и чуть не с площадной бранью встречают. Подлая казенщина!

— Это, батюшка, еще цветочки, — сказал Дубровин. — Попомните меня, кончат тем, что выгонят Кольцова.

— Ну, положим, не посмеют, — задорно ответил Вельский.

— Именно, что не посмеют, — расхохотался Дубровин.

— Понятно, не посмеют, — рассердился Вельский. — Общественное мнение не позволит.

— Ну, еще что? — насмешливо спросил Дубровин.

— Случись что-нибудь подобное, и никто из порядочных не захочет оставаться у них. Вы останетесь?

— Это другой вопрос, батюшка. Не мы там с вами сила. Мы уйдем, другие явятся.

— Не явятся, не то время.

— Да, испугаете вы их, — ответил Дубровин.

Денисов молча слушал и, когда спор кончился, спокойно проговорил:

— Конечно, уйдем, если б прогнали Кольцова, только этого не будет. Елька посердится и примет вариант.

— А я убежден, что не примет, — возразил Дубровин.

— Не примет, — согласился Татищев.

— Примет, — сказал Вельский, — Кольцов настоит. Вариант с вами?

Татищев принес вариант.

Компания начала внимательно его рассматривать. Каждый делал свои замечания, поднялся спор, который чуть было не кончился ссорой между Дубровиным и Вельским.

Помирил их Денисов, выругав обоих.

— Вы, господа, право, как мальчишки, привязываетесь к каждому слову друг друга. В сущности, спор у вас из-за выеденного яйца и общего с вариантом ничего не имеет. Перед вами вариант Кольцова: одобряете его или нет?

— Конечно, одобряем, — ответил Вельский.

— И я одобряю, — с важной физиономией сказал Денисов, — а потому предлагаю послать Кольцову приветственную телеграмму. Согласны?

— Молодец, Васька, — весело сказал Вельский и взъерошил волосы Денисову.

— Без нахальства, — тем же тоном продолжал Денисов. — Я составлю телеграмму. Я беру карандаш, я беру бумагу. Дальше...

Началось совещание. Окончательная телеграмма получилась такого содержания:

«Поздравляем, прекрасный вариант. Да здравствуют даровитые честные инженеры. Желаем успеха и дальнейшего саморазвития».

На последнем слове настоял Дубровин.

— Он поймет, — говорил он, — на что ему намекаем.

Кольцов очень обрадовался телеграмме и несколько раз перечитывал ее.

— Это насчет моей теории они, мошенники, намекают, — добродушно объяснял он своей жене. — Ну, зима пройдет, займусь теорией.

Теперь Кольцов все вечера проводил дома. Жена его повеселела и оживилась.

Кольцов, охладевший было за время работ к детям, теперь опять привязался к ним. По целым часам рассказывал своему трехлетнему сыну все ту же сказку.

Любимым его занятием было отыскивать сходство между собой и сыном. Эти исследования приводили Кольцова не к одним и тем же выводам. Сегодня Кока как две капли воды походил на отца, завтра только нос лопаточкой был в него, а остальное чужое.

— Ну, глаза еще твои, — обращался он к жене, — а остальное чужое.

— На кого ты похож? — спрашивала мать сына.

— На папу, — отвечал мальчик.

— Слышите, неблагодарный. Ваш сын знает больше вас.

— Отличное доказательство. Кока, кто умнее, папа или ты?

— Я.

— Кто умнее, папа или аргамак?

— Аргамак.

— Кого ты больше любишь, папу или аргамака?

— Кока, — перебила его мать, — кого ты больше любишь, аргамака или папу?

— Папу.

У мальчика была страсть к лошадям. Лошадь была для него недосягаемым идеалом, к которому он всеми силами стремился. Бежать, как лошадь, есть, как лошадь. Если он упадет, то стоило ему сказать, что он упал, как лошадь, — и, несмотря на боль, он вскочит и весело побежит объявлять всем, что упал, как лошадь.

— Папа, я упал, как лошадь! — кричит он еще из другой комнаты, усердно работая своими маленькими ножками. — Вот так! — и для примера еще раз падает на ноги.

— Глупенький ты мой мальчик, — подхватывал его с полу Кольцов и высоко подымал вверх.

— Я не плакал, — лепетал Кока. — Я мужчина.

Кольцов приходил в восторг и начинал теревить сына.

— Папа, — снисходительно говорил мальчик, стараясь вырваться из рук отца.

— Ну, говори про козла.

Мальчик принимал сосредоточенное выражение лица и начинал медленно, наставительным тоном, декламировать:

— Смотрел козел в воду и говорит: «Какой я козельчик, какая у меня борода и престрашные рога. Если волк придет, я его убью». А волк слушает и говорит: «Что ты, Васька, говоришь?» А Васька говорит: «Я ничего, ваше благородие».

Последнее время постоянный кашель изнурил и раздражил ребенка. Забегается ли слишком — начинается сильный приступ кашля. Мальчик кашляет, кашляет и вдруг тихо и горько заплачет. Столько бессилия и страдания, столько горя слышалось в этом маленьком плаче, что жена Кольцова сама начинала плакать, а Кольцов готов был все на свете отдать, чтобы только облегчить его страдания.

— Уход плохой, — приставал он к своей жене. — Я не знаю, чего нельзя на свете сделать, если захочешь. Растирай его, парным молоком пой, давай малинку, пригласи еще из города доктора, — вот что надо делать, а не плакать.

Кольцов горячился, приставал к няньке и, по своему обыкновению, чем больше горячился, тем больше был неправ. Делалось что можно было делать, но средства были бессильны. Доктор, впрочем, успокаивал и говорил, что с весной все пройдет... Понятно, с каким нетерпением ожидалась весна в доме Кольцова.

Прошла неделя со дня получения телеграммы Вельского и товарищей.

Кольцов поехал на линию проверить разбивки. Уже совсем стемнело, когда, уложив инструменты, он поехал домой. Дорога шла по реке. Зима подходила к концу, но лед был еще крепкий. Всплыла луна и мало-помалу залила своим волшебным светом округу. Силуэты оборванных скал сплошной стеной тянулись по обеим сторонам

реки. Прежняя линия, вследствие обманчивого света луны, казалась где-то в недостижимой высоте. Новая, пользуясь естественными уступами, шла невдалеке от саней. Кольцов с гордостью любовался делом своих рук.

«Та, прежняя, — думал он, — как ведьма, скачет там где-то в небе с утеса на утес. Я разыскал мою красавицу в этой бездне скал и утесов, вырвал ее у природы, как Руслан вырвал у Черномора свою Людмилу».

И фантазия перенесла Кольцова в далекое прошлое.

«Сюда приходили, — думал он, — наши предки искать себе славы. Только в таких местах, под впечатлением этой дикой природы, могли сложиться наши чудные сказки, только здесь могла появиться та дикая, непреклонная воля, какую одарил народ своих героев. Здесь пролагали себе путь в панцирях и шлемах богатыри русской земли. Здесь прошли орлы Всеволода III, здесь Ермак нечеловеческими усилиями проложил себе путь к славе. Прошли века, и вот мы пришли докончить великое дело. Проведением дороги мы эти необъятные края сделали реальным достоянием русской земли.

Это будет второе завоевание края. И, как Ермак некогда с ничтожными силами приобрел его, так и мы должны употребить все силы, чтоб уменьшить стоимость постройки дороги. Нельзя строить дорого, у нас нет средств на такие дороги, а нам они необходимы как воздух, как вода. Восток гибнет оттого, что не имеет дорог. Общество право в своем раздражении на нас, инженеров. Оно не выяснило себе еще причины, ищет ее там, где ее нет, но история выяснит именно причины в нашем неуменье дешево строить. Мы как заимствовали тридцать лет тому назад способ постройки у наших дорогих соседей, так при нем и остались. Разве наша бедная русская жизнь может сравниться с богатой западной? Если бы русский изобрел железные дороги, а не Стефенсон, разве дошли бы мы до той роскоши, какая царит на наших дорогах? И что бы его могло вдохновить на бархат, зеркала, дворцы-будки, дворцы-вокзалы? Наши перекладные? Наши бывшие почтовые станции, наши нищие деревни? Наши грязные города с гостиницами-клоповниками?

Именно здесь, когда мы приступаем к этому великому пути, когда все окружающее, вся история должна напоминать нам, что мы — русские, — мы, инженеры, обязаны поставить на совершенно новую почву постройку дороги, мы должны показать Западу, что мы, русские инженеры, способны не только воспринимать его великие идеи, но и культивировать их в условиях русской жизни. А это, в свою оче-

редь, покажет на достаточную подготовку к самостоятельному творчеству. И, как некогда Ермак искупил свою и товарищей своих вину, так и мы, инженеры, дешевой постройкой должны искупить нашу невольную вину перед родиной...»

Кольцову стало жарко. Он снял шапку и провел рукой по лбу. Его глаза горели и усиленно смотрели вдаль. Он точно видел себя лицом к лицу со всеми обитателями своей необъятной родины.

«Да, нет выше счастья, как работать на славу своей отчизны и сознавать, что работой этой приносишь не воображаемую, а действительную пользу. Это — жизнь, это напряжение. Пусть проходит молодость с ее радостями любви; что жалеть о них, когда радости эти сменяются более высшими наслаждениями, сознанием приносимой пользы, сознанием, что заслужил право на жизнь!»

Мысль, что заслуг инженера путей сообщения в обществе не признают, неприятным диссонансом пронеслась в его голове. Но, по свойству своей оптимистической природы, Кольцов подавил в себе неприятное чувство, рассуждая, что заслуга останется заслугой, а непризнанная — она имеет двойную цену.

Да, если б удалось провести в жизнь все задуманное. Но как провести? Где найти то ухо, которое захотело бы услышать истину? Одни погрязли в рутине, другие преследуют корыстные цели, третьи устарели, четвертые просто ничего не понимают. Что толку, что Вельский, Дубровин, Денисов — сторонники взглядов Кольцова? Не в них пока сила. Как обратить внимание тех, от которых зависит решение вопроса?

«Время не ушло еще, — думал дальше Кольцов. — Я один ничего не сделаю. Вот разве в компании с Вельским, Дубровиным, Денисовым составить докладную записку на имя начальника работ о возможных сокращениях расходов при постройке нашей линии? Если эта записка опоздает для нашего участка, то время не ушло для других. Экая досада, что раньше не пришло в голову. Что делать? Лучше поздно, чем никогда. Надо будет разбить эти вопросы по главной расценочной ведомости. Я предложу каждому из них взять по две главы и разработать все и с практической и с теоретической стороны, а сам займусь составлением общей записки. Не примут — будем спокойны, что свое дело сделали, а если примут...»

И горячая фантазия Кольцова унесла его в такую заоблачную даль, что нам с вами, читатель, следовать за ним не стоит.

Дома Кольцова ожидал весьма неприятный сюрприз, который сразу спустил его на землю.

— Миленький мой, — встретила его жена. — Придется вам мечты ваши о славе на время отложить, — она точно подслушала Кольцова. — Вот телеграмма Татищева. Вариант не принят.

Телеграмма была следующего содержания:

«Вариант окончательно забракован. О радиусе 150 и туннели слушать даже не хотят».

Для Кольцова это было полным сюрпризом.

— А, черт с ними! — проговорил он упавшим голосом.

Он сел в кресло и уныло замолчал.

— И Татищев тоже хорош: телеграфирует, точно его зарезали. Пойдут теперь сплетни по заводу.

— Что же делать? — утешала его жена. — Ты что мог сделал, там уже не твое...

— А, черт с ними! — еще раз апатично повторил Кольцов.

Он встал, несколько раз прошелся и, скороговоркой проговорив: «Я спать пойду», ушел в спальню. На вопрос жены: — «А обедать?» — он, уходя, принужденно ответил: «Нет».

Жена Кольцова знала натуру своего мужа. Всякое серьезное огорчение вызывало в нем полный упадок сил и потребность продолжительного сна.

Не знавший усталости, Кольцов, раздеваясь, почувствовал себя таким усталым, таким разбитым, что едва смог стащить свои тяжелые сапоги. Он почти мгновенно заснул и едва слышал, как жена, наклонившись над ним, поцеловала его, прошептав:

— Не огорчайся, мое счастье, все, Бог даст, будет хорошо.

«Хорошо», — машинально пронеслось в его голове. «Действительно хорошо», — промелькнуло в последний раз в засыпающем мозгу, и чувство сладкого успокоения разлилось по его членам. В то же мгновение крепкий, здоровый сон без сновидений сковал Кольцова. Он проснулся только на другой день, проспав четырнадцать часов.

Мысль о варианте только в первый момент неприятно кольнула его.

«Надо самому ехать», — думал он, поспешно одеваясь.

Жена, услышав шум в спальне, вбежала с телеграммой в руках.

— От Елецкого, — проговорила она, целуя мужа.

Кольцов жадно схватил телеграмму:

«Из ваших вариантов останавливаюсь на линии прошлого лета. О радиусе и туннели при теперешних условиях не может быть и речи».

Вежливый тон телеграммы успокоил Кольцова.

— Ну, вот это ответ. По крайней мере никакой пищи нет досужим сплетникам. Ясно, что в одном и том же месте двух линий сразу нельзя выбрать, а так как обе мои, то ничего и обидного нет. За эту деликатность я ужасно люблю Елецкого, — говорил Кольцов повеселевшим тоном.

Жена Кольцова тоже просияла, увидев, какое действие произвела телеграмма на мужа.

За чаем Кольцов сказал ей, что решил сам ехать.

— Без разрешения? — спросила, испугавшись, жена.

Кольцов не ответил, так как и сам не знал, как быть. С одной стороны, нужно было торопиться, а разрешение затягивало отъезд, да и сомнительна была возможность его получения в данный момент, с другой же стороны, ехать без разрешения было невежливо и, пожалуй, рискованно: «Могу испортить все дело. Он сам такой деликатный и терпеть не может неделикатности в других».

Решено было так. Кольцов телеграфировал Вельскому, чтобы тот действовал в смысле вызова его, Кольцова, для личных объяснений. Елецкому Кольцов послал телеграмму в двести пятьдесят слов. Тон телеграммы мало было бы назвать горячим. Страстные доводы Кольцов закончил следующими словами: «Прошу извинить за настойчивость, но необходимость варианта настолько очевидна, что не может пройти незаметно. Во избежание справедливых нареканий в будущем, вынужден беспокоить вас просьбой разрешить лично приехать».

К вечеру Кольцов получил следующий ответ:

«Ваша телеграмма не переменяла моего решения. Если считаете необходимым, приезжайте».

Кольцов выехал в ночь.

Оставлял он семью с тяжелым чувством. Кашель у Коки становился все сильнее. В самый момент выезда сильный припадок так ослабил мальчика, что он весь посинел и впал в легкий обморок. Такого припадка еще не было.

Тяжелое предчувствие недоброго конца этой болезни первый раз закралось в душу Кольцова. Всем существом рвануло его к сыну, он забыл все на свете, схватил его на руки, прильнул к его исхудалому

личичу, и горькие слезы полились из глаз. Прощанье было подавляющее и тяжелое. Никогда еще Кольцов не оставлял семью, с таким угнетенным чувством тоски и сознания своего бессилия что-нибудь изменить из предназначенного судьбой. Первый раз после долгих лет рука его поднялась, чтоб осенить своего маленького сына крестом.

— Да хранит тебя господь! — с глубоким чувством проговорил он.

Кольцов остановился в квартире Вельского, Дубровина и Денисова.

Компания рассказала ему, что «Елька» страшно взбешен и — против варианта. На торгах линия осталась за Бжезовским, и распорядителем работ был приглашен Делори. Последний тоже высказался против варианта, указывая на слабую его сторону — захват реки. И немало содействовал тому, что вариант Кольцова был забракован.

— Послушайте, Кольцов, — говорил ему Вельский на другой день, идя вместе в Управление, — главное, не горячитесь. Помните, что с Елькой можно работать, он человек честный и действует по убеждению. Доказать ему всегда можно, но это надо сделать спокойно, рассудительно и толково. И вы это можете, если захотите. Смешно же, в самом деле, всю жизнь изображать из себя лошадь, которой чуть попадет вожжа под хвост — и пошла потеха. Вспомните только, что двенадцать лет работая, вы еще ни одного дела не довели путно до конца. Начнете блистательно, потом, по поводу выеденного яйца, появляется на сцену вопрос о доверии, и — Кольцов за бортом. А кончается тем, что все играет в руку прохвостам. У вас дело правое, и стойте за него до смерти, — пусть вас по суду гонят, если хотят, но с какой же благодати губить дело из-за личного самолюбия?

— Правда есть в ваших словах, — отвечал Кольцов. — Личного болезненного самолюбия у меня больше чем надо, но я вам скажу одно. Четыре раза уже я бросал дело и уходил со скандалом. Временно мне были заперты все двери в нашем министерстве, но никогда я не жалел, что поступал так. При тех условиях не было другого выхода. Теперь иное дело. Во всяком случае, я не буду горячиться. Спасибо вам.

— Вас уже прозвали трубадуром, но, если вы из теперешнего положения дела опять сделаете министерский вопрос, я буду называть вас бестолковым трубадуром.

— Не сделаю, — отвечал Кольцов.

В передней правления они расстались. Вельский прошел в техническое отделение налево, Кольцов — в кабинет начальника работ направо.

В ожидании приезда начальника работ Кольцов заглядывал во все комнаты правления, отыскивая знакомых. Все здоровались с ним радушно, но как-то обидно-снисходительно. Все знали про его неудачный вариант, и общее мнение было: Кольцов, что называется, зарাপортовался.

Выразителем общего мнения был Щеглов, правитель канцелярии.

— Что, батюшка, сорвалось? — встретил он Кольцова. — Ну, что ж делать? Не всякое лыко в строку. Надо вас и осадить немножко, а то этак вы через год и до министра доберетесь.

— Руки коротки для осадки, — строптиво возразил Кольцов.

— Будто коротки? — спросил Щеглов, добродушно подмигивая своему помощнику. И ласково прибавил: — Ну, ну, ладно, бог с вами. Где вы сегодня вечером?

Пришел швейцар и доложил, что начальник работ приехал и просит Кольцова. Кольцов вскочил, застегнул пуговицу и, не прощаясь, быстро пошел за швейцаром.

— Будет баталия, — сказал Щеглов, закуривая папироску. — Надо послушать.

И он, собрав для подписи нужные бумаги, неслышной походкой направился к Елецкому.

Когда он вошел в рабочую комнату начальника работ, из кабинета донесся до Щеглова взбешенный, громкий голос Елецкого:

— Да что же это наконец такое. Слова нельзя сказать, как он свою отставку сует.

На этот возглас не замедлил взволнованный ответ Кольцова:

— Вариант необходим. Вопрос в том, что я, может быть, не сумел доказать вам его необходимость, — вот почему я должен буду оставить свое место, чтобы уступить его более способному доказать это.

Щеглов постоял несколько мгновений нерешительно, махнул рукой и возвратился в свой кабинет. Кольцов продолжал:

— Николай Павлович, поверьте мне, что я прекрасно знаю все те неприятности, которые вы испытываете, но чем же виновато дело, что во главе его стоят люди, не понимающие? И наконец: то, что сегодня неясно, будет как на ладони, когда дорога выстроится. Огорчения теперешние будут пустяками в сравнении с теми, которые мы с вами испытаем тогда. Вы говорите, что нас выгонят. Для вас ус-

тупка невежеству непринятием моего варианта, может быть, имеет полный смысл, — вы этим спасаете все дело, но где же утешение для меня? Все мое дело заключается в этом варианте, и мое неумение провести его в жизнь есть уже тяжелое сознание своего бессилия. Так неужели же мне, сверх этого, в течение двух лет постройки еще мучиться изо дня в день при мысли, что я строю не то, что должно, и что строится это только благодаря моей неспособности доказать, что белое — белое, а черное — черное. Вот что побуждает меня заявить о своей отставке. Это не взбалмошное чувство оскорбленного самолюбия. Я отлично знаю, что теряю, оставляя службу, — лучше поставленного дела я не видал еще, да и вряд ли где-нибудь найду.

Кольцов замолчал.

Елецкий мрачно ходил по комнате. Молчание длилось несколько минут.

— Кончится тем, что мне самому придется уйти, — проговорил Елецкий, махнув раздраженно рукой. И, обратившись к Кольцову, сердито спросил:

— Где вариант?

Кольцов быстро развернул чертежи и взволнованно начал излагать идею нового варианта.

Через четыре часа Кольцов вышел из кабинета начальника работ, и по его счастливому лицу нетрудно было угадать, в чем дело.

Елецкий вышел немного спустя и прошел в кабинет своего помощника.

Инженер Стороженко — около пятидесяти лет, плотный, среднего роста, с гладко выбритым лицом, густыми усами, большими выразительными глазами, — производил при первом взгляде впечатление человека слегка грубоватого, но добродушного и прямого. Тем не менее это был дипломат в своем роде, как вообще все хохлы. Будучи безукоризненно честным, он личную инициативу проявлял только в том направлении, о котором знал, что оно будет одобрено. В вопросах сомнительных он, хотя и выражался решительно, но так, что из его слов ничего нельзя было вывести.

Елецкий вошел и сел на диван.

— Что за молодец Кольцов! Три-четыре таких инженера — и можно хоть всю Сибирскую дорогу взяться строить.

— Он приехал?

— Только что от меня. — Елецкий помолчал. — Прекрасный вариант, — сказал он. — Только время упущено. Теперь в Петербурге опять пойдут разговоры.

Наступило молчание.

— Да, — неопределенно проговорил Стороженко.

— Семьсот тысяч экономии. Татищев напутал, совсем не так доложил: молодой. Возьму Кольцова с собой — пусть сам сделает доклад. Я там сам не был, ехать некогда, а на заседании могут подняться такие вопросы, на которые может ответить только работавший на месте.

— Конечно.

— Всю зиму работал в поле. Стражинского чуть не в чахотку вогнал.

Стороженко кивнул головой. В переводе это означало: «Так и запишем».

— Через неделю надо ехать, — сказал Елецкий, подымаясь.

После ухода Елецкого вошел Залеский.

— Ну, что вариант Кольцова?

— Принят, — ответил Стороженко.

— Принят? — переспросил выжидательно Залеский.

— Семьсот тысяч сбережения. Прекрасный вариант. Татищев напутал: молодой. — И, помолчав, Стороженко прибавил: — Дельный работник Кольцов.

— Ах, какая энергия! — подхватил Залеский.

— Стражинского, кажется, в чахотку вогнал.

— Огонь, — весело рассмеялся Залеский.

В такой редакции и по городу пошла новая волна. Блестящий вариант, неутомимый Кольцов, Татищев напутал, Стражинский в последнем градусе чахотки.

Инженер Косяковский в обществе дам доступным языком излагал положение дела:

— Кольцов сам дельный человек. Сделал действительно прекрасный вариант, но выказал полное неумение выбирать подходящих людей. Татищеву поручил делать доклад. Я понимаю — поручить ему организацию пикника!

Веселый хохот прервал оратора.

— Кольцов — это прелесть, — сказала Марья Павловна Звиницкая. — Я в прошлом году ехала с ним в поезде, и, право, если бы еще несколько часов поездка продлилась, я за себя не поручилась бы. — Звиницкая даже покраснела при воспоминании того вечера.

А Кушелев, отец Марьи Павловны, управляющий соседней дорогой, на другой день добродушно говорил Елецкому:

— Придется, Николай Павлович, вам самому подобрать помощников Кольцову, а то он окружит себя такими, как Татищев.

— Да, непременно, — убежденно ответил Елецкий.

— Павла Николаевича надо к нему. Это человек, который сумеет позаботиться об остальном, когда Кольцов, по свойству своей натуры, чем-нибудь увлечется.

Павел Николаевич Звиницкий, муж Марьи Павловны, тоже инженер, был одним из кандидатов на должность начальника дистанции на предстоящую постройку.

Елецкий промолчал на слова Кушелева.

Выбор инженеров *de jure*⁴ зависел от Временного управления, *de facto*⁵ — от начальника работ. По традиции, начальнику участка предоставлялось право выбора между имеющимися инженерами.

Павел Николаевич на другой день после описанного разговора был у Кольцова и выразил желание служить у него начальником дистанции. Кольцов обещал, так как свободные места у него были. Штат Кольцова состоял из четырех начальников дистанции, одного помощника и одного техника. На роль помощника он имел в виду Татищева, на роль техника — Стражинского, на остальные места еще никого не имел в виду.

— Что если я буду проситься к вам? — спросил его Вельский.

Кольцов с удивлением посмотрел.

— Неужели пойдете? — радостно спросил он.

— К вам пойду.

— Серьезно говорите?

— Конечно, серьезно.

— Я буду счастлив.

— А меня возьмете? — спросил Дубровин.

— И вы?

— С наслаждением.

— А вы? — обратился он к Денисову.

— Нет, я большой человек, на линию нельзя мне.

Стали строить планы близкого будущего. Выходило очень хорошо.

— Только Елька не пустит, — сказал вдруг Вельский упавшим голосом.

— Почему не пустит? — спросил Кольцов.

4. Юридически (*лат.*).

5. Фактически (*лат.*).

— Не пустит, — ответил Вельский. — Соединить нас втроем — что же это выйдет? Все вверх ногами поставим и его не пустим на участок.

— Да как он может не пустить? — возражал Кольцов. — Это мое право выбрать начальников дистанций.

Вельский в тот же день закинул удочку и рассказал свой план Залескому.

При докладе Залеский между прочим сказал Елецкому.

— Вельский и Дубровин хотят проситься к Кольцову.

— Дудки, — ответил добродушно Елецкий. — К этакому кипятку, как Кольцов, прибавить двух таких головорезов — они всю линию разнесут. Кольцову не пару подбавлять, а тормоза нужны.

И, помолчав, прибавил:

— Надо с этим кончить. Сегодня вечером приходите, составим списки на участки, и ночью надо их отпечатать. С конченным делом и разговоров не будет, а сегодня мне придется уже дома заниматься, чтобы избавиться от этих просьб... Скажите, что я заболел.

Кольцову так и не удалось в тот день поговорить с Елецким о своем штате, а на другой день в управлении уже был отпечатан приказ начальника работ о назначениях.

Переговоры Кольцова с Елецким на эту тему оборвались на первой фразе Елецкого:

— Я завален просьбами о назначениях. Начальники участков все одних и тех же приглашают, остальных никто не желает. Начальники дистанций почти все к одному просятся, к остальным не желают. Чтобы избавиться от бесконечных просьб, я решил на этот раз изменить способ назначений и сам всех назначил. Так как ваш участок самый трудный, то вам и назначены лучшие силы: Звиницкий, Штомор, Мартино, Колович и ваши прежние Татищев и Стражинский.

— Я хотел было просить о Вельском и Дубровине.

— С кем же я останусь? — вспыхнул Елецкий.

Через неделю Елецкий и Кольцов выехали в Петербург.

Доклад сошел благополучно и, сверх ожидания, был встречен очень милостиво. Радиус 150, излюбленное детище Кольцова, пришелся как нельзя кстати. В Петербурге в высших служебных сферах уже был возбужден вопрос об уменьшении радиуса.

На сожаление председателя Временного Управления о том, что не употреблен при изысканиях радиус 150, Елецкий с достоинством ответил:

— Я привез вариант с радиусом сто пятьдесят.

Передавая об этом Кольцову, Елецкий сказал:

— Вот и толкуйте с ними. В прошлом году на заседании мое предложение насчет радиуса было единогласно отвергнуто, а в этом году они готовы меня же упрекнуть за то, что я не ввел его!

И, помолчав, пренебрежительно бросил:

— Флюгера!

1888 г.